

Архивы XX века

Завтра — девяносто лет со дня рождения Михаила Шолохова, автора гениального романа русской литературы XX века. Рукопись его считалась утраченной, сгоревшей в огне войны. Однако в результате расследования, начатого в 1983 году журналистом Львом Колодным, она найдена в Москве.

Обнаруженные документы, рукописи, письма позволили ему написать большую книгу, которая выходит в издательстве «Голос» в канун юбилея писателя, авторство которого оспаривали десятки лет многие литературоведы. Издание книги ставит крест на подобных лжеисследованиях, унижавших не только автора, но и русскую литературу.

Предлагаем читателям «Вечерней Москвы» главу из книги «Кто написал «Тихий Дон»».

В истории русской литературы есть рукописи, судьба которых сложилась драматично и волнует до слез. Всем известно со школьной парты, что Александр Пушкин сжег десятую главу великого стихотворного романа «Евгений Онегин», опасаясь цензуры и царской кары.

По другой причине бросил в топку камин рукопись второго тома «Мертвых душ» Николай Гоголь. И в собраниях его сочинений публикуются лишь чудом уцелевшие отрывки.

Бросил в огонь первоначальный вариант романа «Мастер и Маргарита» Михаил Булгаков — не раз, как Гоголь, швырявший в печку сочинения, которые ему казались неудачными. Тем не менее именно Булгакову принадлежат ставшие крылатыми слова: «Рукописи не горят...».

Как видим, великие писатели нередко уничтожают рукописи.

К числу утраченных рукописей относятся и рукописи первых двух томов «Тихого Дона», сделанные автором в двадцать три года.

<Ч>то мне было известно о рукописях «Тихого Дона»?

Роман-эпопея «Тихий Дон» общепризнан как выдающееся произведение русской, да и мировой литературы. Его ставят рядом с «Войной и миром» Льва Толстого. С момента выхода в свет первых двух томов шолоховского романа, а именно они служили объектом главных нападков, прошло без малого 70 лет. За эти годы «Тихий Дон» прочли миллионы людей. Роман многократно публиковался в Советском Союзе и за рубежом. Постоянно появляются новые издания как на русском языке, так и переводные. Время над романом не властно. Но рукописей первых двух томов в государственных архивах нет. И это обстоятельство породило множество домыслов, бороться с которыми пришлось в наше время с помощью ЭВМ, да и их выводы пытаются оспаривать...

— Знаете, — предостерегал меня опытный литературовед, — дело, за которое вы беретесь, столь же сложное, как вопрос об авторстве «Слова о полку Игореве».

Известно, что рукопись «Слова о полку Игореве» сгорела в войне 1812 года. С тех пор литературоведы спорят о подлинности великого творения древности.

Не раз писалось, что рукописи «Тихого Дона» сгорели в войне 1941—1945 годов...

Неужели только в романах они не горят?

<Ш>олоховский роман-эпопея состоит из четырех томов.

«Тихий Дон» имеет около девяноста печатных листов, — рассказывал писатель до войны корреспонденту «Известий» Исааку Экслеру, одному из первых приоткрывая завесу над историей создания романа. — Всего же мною написано около ста листов. Удалить пришлось листов десять... А вообще материала было так много, что одно время я подумывал о пятой книге романа».

Произведем несложный подсчет. В собрании сочинений М. А. Шолохова (изд-во «Правда», 1980) четыре книги романа составляют свыше 1800 страниц печатного текста.

В Пушкинский Дом поступила из архива М. А. Шолохова всего одна оранжевая папка с автографами романа — рукописными и машинописными.

Вот что пишет шолоховед К. И. Прийма, у которого эта папка несколько лет находилась, после чего в июне 1975 года по воле писателя поступила в Пушкинский Дом.

«Ветхая, оранжевого полукратона папка с надписью, сделанной красивым шолоховским почерком: «Черновики «Тихого Дона»».

В ней — сто сорок три страницы автографов Михаила Шолохова. Они

написаны чернилами черными, фиолетовыми, красными, синими и даже простым черным карандашом. На двух из них есть пометки, тоже сделанные рукой Шолохова. На одной — дата: «14.11.29 г.», и тут же написано: «Скупой пейзаж»; на другой стоит только дата: «17 декабря 1938 г.». Кроме них, еще сто десять страни машинописных, правленных рукой Шолохова».

Трагическая история довоенного архива Михаила Шолохова не раз описывалась с его

Лев Колодный Кто написал «Тихий Дон»

слов писателем Анатолием Софроновым: вначале на страницах журнала «Огонек», а затем в книгах. Рассказывали об этом же и другие авторы.

Перечитав все попавшие к нему в руки листы рукописи, писатель делает вывод, что сохранилась только незначительная часть архива. Цитирую: «В папке, которую вернул писателю в ноябре 1945 года неизвестный командир танковой бригады, нет рукописей большого количества

страниц и целых глав из третьей и четвертой книг...»

По-видимому, у Анатолия Софронова не хватило духа написать, что не оказалось в этой папке НИ ОДНОЙ странички рукописей первой и второй книг, то есть тех томов «Тихого Дона», вокруг которых бушуют страсти.

После опубликования очерка в «Огонек» пришли письма очевидцев, бывших защитников Дона. Станица Вешенская пережила тяжелые дни войны, она оказалась на линии фронта. Фашистские дивизии вышли к Дону, и от дома Шолохова их отделяло лишь русло реки. На станицу обрушился артиллерийский огонь, ее бомбила авиация. Одна из бомб взорвалась у порога дома Шолохова, убив его мать. Дом этот служил наблюдательным пунктом артиллеристов...

Наиболее ценную часть своего архива, в том числе рукописи романов «Тихий Дон», «Поднятая целина», а также все другие рукописи законченных и начатых произведений, письмо и телеграммы И. В. Сталина,

письма Александра Серафимовича и другие документы, уложив в цинковый ящик, нечто вроде сейфа, Михаил Шолохов осенью 1941 года сдал на хранение в местное отделение НКВД, ошибочно полагая, что милиция надежнее, чем мать, оставшаяся в доме, сбережет архив.

Да и фашисты были тогда еще сравнительно далеко от Дона, когда же в 1942 году, во время летнего наступления, германские дивизии, рвавшиеся на Кавказ и Волгу, вышли стремительно к Дону, местные организации поспешно отступили, бросив на

рукописи не горят м. Булгаков

Михаил Шолохов. 1930 год. Часть первая

В повествовании турецкого колтаника вернувшись в Уртюк Каваса Мелехов прохвирит. Из турецкого плывло бы жену: маленькую закутанную в шаль женщину. Она прыгала легко резко показывая тоскующие большие глаза. Маля Шелюва шаль держала на бедрах. Мили забавили, радужные узоры в пестрых бархатах. Плетая турчанка сторожила рожки провозника и старик Мелехов вскоре отдался сону. И Курень его не видел до смерти не забывая обиды. Обстрелом двою: плотники срубили курень, сгорело база была сжогито и в оскви Урта на ослепитво сгорбленику Инозени-пену.

произвол судьбы ящик с архивом М. А. Шолохова.

Очевидцы сообщали, что рукописи Шолохова после взрыва бомбы устилали улицу, их гнал по станице ветер, они шли на куреве солдатам... Одним словом, бесценные автографы попали под молот войны, не щадившей ни жизней, ни городов и сел, ни рукописей.

Командиры пытались спасти бумагу, приказывали солдатам их собрать, передавали в штабы частей. Но в руки писателя вернулась только одна папка, которую пронес через всю войну командир танковой бригады, в дни войны оборонявший

Вешенскую. Нашлись очевидцы, которые видели в Вешенской грузовую машину, чей кузов был наполнен рукописями «Тихого Дона» и «Поднятой целины»...

Однако, как уже говорилось, в руки Шолохова вернулись только разрозненные листы из третьей и четвертой книг, рукописных и машинописных. Им посвятил статью литературовед П. Бекедин, напечатанную в «Молодой гвардии» (№ 10 за 1983 год).

В отличие от К. Прийма автор статьи в журнале ведет счет не на страницы, а на листы, и по поводу поступивших рукописей пишет следующее:

«Летом 1975 года, вскоре после своего семидесятилетнего юбилея, писатель пригласил к себе в гости ростовского литературоведа и изъявил желание, чтобы тот отвез все 137 рукописных и машинописных листов «Тихого Дона» в Институт русской литературы на вечное хранение...»

В 1976 году обнаружился и поступил в архив 138-й лист из послед-

ней главы четвертой книги, лист, которым заканчивается «Тихий Дон».

Излагая подробно, какие рукописи находились в сейфе, сданном милиции, наиболее ценной части архива, П. Бекедин утверждал следующее: «В железный ящик, оказавшийся роковым, писатель сложил АБСОЛЮТНО ВСЕ АВТОГРАФЫ ЧЕТЫРЕХ ТОМОВ «ТИХОГО ДОНА» (выделено мною. — Л. К.).

Автор этой статьи, хотя его не покидает надежда, что в будущем обнаружится еще какая-нибудь часть пи-

написанные на едином дыхании столь хорошо, что в них я мог добавить лишь некоторые слова...

— А пейзажи? — не унимался я. — А ваши лирико-философские разду-

Всего Мелехов - 1975 - 23 марта - с. 5

Много других вопросов задавал тогда в беседе дотошный шолоховед, узнав следующее:

«— Право же, я этого уже не помню, — ответил Шолохов. — Чтобы тебе ответить, надо держать в руках автографы-черновики, наброски, варианты и правленный машинописный текст. А весь мой архив пропал в годы войны. Кое-что случайно уцелело из автографов «Тихого Дона», ПРИМЕРНО ОДНА ДЕСЯТАЯ ЧАСТЬ (подчеркнуто мною. — Л.К.). Но эти странички находятся в Москве. Как-нибудь при случае я тебе их дам посмотреть-почитать...»

И вот эти бесценные странички-автографы и машинописные листочки «Тихого Дона», собранные в оранжевую папку, — у меня в руках... Михаил Александрович сидит в своем небольшом кабинете на Сивцевом Вражке, в Москве, и грустно рассказывает об утрате рукописей «Тихого Дона», «Поднятой целины» и многих других ценнейших документов его архива...

Что следует из слов Михаила Шолохова?

Одни странички им исправлялись и перерабатывались, сочинялись разные варианты глав. Другие писались на едином дыхании и не переписывались. В своем рукописном архиве писатель выделяет:

- 1. Автографы-черновики. 2. Наброски. 3. Варианты. 4. Правильный машинописный текст.

И вот, разобравшись в особенностях рукописного хозяйства автора романа, мы можем усомниться в сказанном К. Приимой. Получив в руки оранжевую папку, шолоховед испытал большую радость, понятную каждому исследователю, но, пересчитав рукописные и машинописные странички, он на радостях решил, что в его руках та самая «десятая часть» автографов, что хранилась в Москве, которую писатель обещал при случае показать.

Да, в руках у него были автографы «Тихого Дона», но совсем не «десятая часть».

110 машинописных страниц составляют менее 5 печатных листов романа, а это только менее двадцатой части машинописного оригинала.

Рукописные странички Михаила Шолохова, судя по опубликованным фотографиям, в объеме несколько превышали машинописные. 137 страниц рукописи составляют примерно шесть печатных листов. Мы знаем, что Михаил Шолохов написал сто печатных листов и, кроме «автографов-черновики», у него имелись рукописные наброски, рукописные варианты глав. Выходит, что 137 страниц оранжевой папки не составляют не только двадцатой, но и тридцатой части написанного.

Какой вывод напрашивается?

В руки К. Прийма не попала «десятая часть» автографов «Тихого Дона», не попали «странички», которые, по словам писателя, «находятся в Москве». Случай, о котором упоминал он, не состоялся. Михаил Шолохов говорил об одном, а шолоховед пишет о другом... Так бывало не раз с теми, кого писатель удостаивал внимания, но один Константин Иванович Прийма полагал, что вошел в творческую лабораторию писателя, на самом же деле он только к ней приблизился, но порог не перешагнул.

Подхожу к самому главному, к тому, ради чего написана эта книга. «Странички», о которых говорил Шолохов, попали в руки мне.

<К>огда-нибудь я ее обязательно расскажу, как, где и при каких обстоятельствах нашел черновики и беловики «Тихого Дона». Сейчас отвечаю только на несколько вопросов, которые обычно мне задают.

Скажу сразу. Никто и никогда рукописи не прятал. Шолохов знал, в чьих они руках, был уверен, что в этих руках они никогда не пропадут, и оказался, как всегда, прав.

Далее. Почему не шолоховеды, ученые, а журналист вышел на след рукописей? Потому что никто из шолоховедов не занимался поисками. Ни те, кто никогда не сомневался в авторстве Шолохова. Ни те, кто считал его плагиатором. Последних оказывается добрый десяток. Кроме известной книги, опубликованной под псевдонимом Д*, вышла в Париже и Лондоне книга Р. А. Медведева, также оспаривающая авторство у Шолохова. Активно занимаются антишолоховедением в Петербурге, Ростове, Москве, за границей. Но никто из этих опровергателей поисками не занимался. До сих пор не написана научная биография Шолохова. Впрочем, многие наши классики XX века не имеют таких биографий, что открывает простор для домыслов.

Если кто искал рукописи, то не там, где нужно. Более-менее изучены донские связи писателя. Московскими никто до меня не занимался. А именно в Москве комиссия под председательством М. И. Ульяновой разбирала слухи о плагиате, в Москву автор и привез черновики двух первых книг романа. Их изучала комиссия. Не случайно в опубликованном письме в газетах в 1929 году речь шла о рукописях. Тогда и остались рукописи в Москве. К счастью. Потому что если бы они оказались в Вешенской, то их постигла участь тех рукописей, что пошли на куреве. Станица Вешенская в оккупации не была, однако дом писателя был полностью опустошен. Все, что не удалось из него вывезти, пропало.

В руки солдат попал цинковый ящик-сейф, хранившийся в Вешенском отделении НКВД. По свидетельству очевидцев, он был вскрыт штыками, все находившееся в нем бумагой пошло по рукам. На письмо И. В. Сталина М. А. Шолохову никто не покусился, оно переправлено было в Москву, в Институт марксизма-ленинизма, откуда писателю вернули только копию этого документа, оригинал же присвоили себе. Малая часть рукописей третьей и четвертой книги «Тихого Дона» в конце концов возвратилась к автору.

Поскольку я вел поиск в Москве, а этот город знаю профессионально, издал много книг о его достопримечательностях, мне удалось довольно быстро найти искомого.

Последнее. В чьих руках рукописи? Отвечу — в надежных, испытанных, сумевших сохранить все до последней странички, несмотря на войну, бомбежки Москвы и дома, где они хранились. Повторяю. Никто ничего не прятал от общественности. В шестидесятые годы трижды выходили книги, где опубликованы документы, в которых речь идет именно об этих шолоховских рукописях. Но издатели книг не обратили никакого внимания на информацию, иначе бы они быстро, не тратя годы на поиски, нашли бы этот архив.

Где он? Если бы я был уверен, что после ответа на этот вопрос к хранителям архива на следующий день не явятся непрошенные гости — коллекционеры, литературоведы, грабители и т. д., то я бы, конечно, назвал их имена, адреса. Однако такой уверенности у меня нет...